

Семен, ты любим партией и народом

А В Т О Р А !

Г р и м а с ы

Сегодня мы без всякого отвращения смотрим «Кубанских казаков» и «Трактористов». С некоторым умилением листаем старые подшивки «Огонька» и старые передачи вроде программы «Время» за какой-нибудь социалистический год смотрим с радостью. Весь социалистический реализм большинству населения в свое время казался естественным, потом - краткое время - жутким, теперь - милым и потешным. Абстрагировались. Другое время - другие песни. Все кубанские казаки нынче кажутся нам марсианами, и потому на них так легко смотреть. Ну, в общем, трезвее надо смотреть на себя - снималось это не на Марсе и не для марсиан. И некоторые из создателей этого бесподобного искусства живы по сей день. И не так это оно все далеко, как нам сегодня кажется.

Старый кубанский казак, лысый, с выпуклыми глазами и блуждающей улыбкой, по своей правдоподобности похож на доисторического ящер из фильма Спилберга и кажется чудом компьютерной техники, как живой, он хватается за голову, машет рукой и даже произносит связные речи. Я сижу в полуметре от него, но в его реальное существование трудно поверить. Все решили, что он давным-давно умер, и это его вполне устраивает. Одно неудобство - крошечное одиночество. В борьбе с ним он завел художю котенка и назвал его Терентием в память об умершей жене с неожиданной апелляцией к ее отчеству. По его словам, душа жены поселилась в ласковой твари. «Вы верите в переселение душ?» - «Ни во что такое я не верю, - отвечает мне Спилбергский ящер, - но в данном случае верю. А вы думаете, что этот наш Патриарх, он что верующий? По его животу видно, что, он неверующий».

Человек этот - абсолютный классик советской литературы, лауреат трех сталинских премий. «У меня было столько друзей, - говорит мне 86-летний Семен Петрович Бабаевский, - что они не умещались в одном зале ресторана. А теперь телефон не звонит неделями». Имя Бабаевского в 50-е годы знал каждый советский человек. Его «Кавалер Золотой Звезды», о котором Сталин отзывался как о лучшем романе о колхозном крестьянстве, произвел неизгладимое впечатление на читателей в СССР и странах народной демократии.

Литература была царицей сталинских идеологических полей и нуждалась в идеальном писателе. Семен Бабаевский осуществил мечту партийных идеологов. Как справедливо писала сталинская критика, творческая удача Бабаевского «объясняется прежде всего тем, что писателю в его работе помогала направляющая рука большевистской партии».

В отличие от самоубийцы Фадеева, Бабаевский ни о чем не жалеет. Над его рабочим столом висит парадный портрет Сталина, и, когда кончилась советская власть, он бросил писать. Семен Петрович родился в безграмотной казачьей семье, был самоучка, рано стал писать рассказы «под Горького». Учился в московском Литературном институте, во время войны был военным журналистом. Наконец его озарила идея написать роман о танкисте, герое Советского Союза, который возвращается с войны в родное казачье село и решает методом ударной стройки соорудить в колхозе гидроэлектростанцию.

Бабаевский никогда не напишет воспоминаний. Говорит, они никому не нужны. Кроме того, по причине старческого беспамятства он время от времени попадает в «сумасшедший дом». Но со мной он был на редкость внимательным. Среди советских писателей он выделял Шолохова как «гениального человека»: «Это не потому, что я с ним был близко знаком, на «ты» разговаривал. Так, как он написал «Тихий Дон» о смерти казачества, так никто не написал. Только о литературе он не любил говорить. О бабах, о пьянке, об анекдотах - о чем угодно, но только не о литературе. Не хотел, надоело, наверное».

Может быть, именно поэтому Шолохов был лаконичен в своей оценке «Кавалера Золотой Звезды»: «Мы как-то шли с сессии Верховного Совета, рядом выходили из Кремля, я говорю: «Михаил Александрович, скажи, что ты думаешь о «Кавалере»?» Тот говорит: «Семен, роман обласкан партией и народом. Ну что о нем еще сказать?» Он знал, что это не ты, он большой писатель, и с ним мне равняться нельзя».

Триумфальное шествие «Кавалера» началось в тот день, когда автора вызвали телеграммой в Москву к Жданову: «Он спрашивает, какая нужна забота ЦК для меня... Ну вы знаете, что значит такой вопрос. Это квартира в Москве, это дача... Ну все, наверное, что

бы ни попросил, все бы дали. Но я сказал, что мне ничего не надо».

«Устоять от славы тоже надо было уметь, чтобы не запить, не заблядовать». Он устоял. Семен Петрович написал целых пять томов художественной прозы. Но под конец жизни он пришел к убеждению, выраженному в толстовской «Исповеди», что «жизнь есть зло»: «Вообще время вы трудное переживаете, трудное. Я тоже живу еще, но мне мало осталось».

Семен Петрович - душа. Смерть жены убедила его, что умирать не так страшно («Я думал, страшнее...»). Его последняя мечта: быть похороненным не в Москве, а на Кубани, по которой он так скучает, - скорее всего несбыточной: «Невозможно, сейчас я туда даже ехать не могу». Он никогда не был антисемитом («евреи - талантливый народ»), с ностальгией вспомнил свою встречу с Пастернаком в 1934 г. на литературном семинаре в Малеевке («Худоцавый такой, очень интересный по уму человек... И что еще в нем меня поражало, что я, хutorянин, многого не понял, что он говорит»). Вместе с тем Бабаевский готов защищать дело Сталина и свой роман до последнего дыхания: «Ничего я не врал, - с тоской говорит он, - я писал то, как приехал я на Кубань после демобилизации, там строили гидроэлектростанцию, она и сейчас работает, вот я

взял и написал, как ее строили... Какая же это неправда? Конечно, я как художник кое-что прибавил, что-то убавил. Я вот перечитываю свой роман, который не читал 20 лет, и смотрю, если б все так делалось, как было мной написано, вот это было б хорошо, вот это была б жизнь!»

Тем не менее «Кавалера Золотой Звезды» трудно назвать доброй книгой. Очевидно, ее автору был изначально не чужд некий умеренный советский гедонизм (с южно-русским акцентом; климат Кубани располагает), сочетавший мечту о коммунизме с борщом и галушками. Выстроив в книге плотину, Бабаевский возвестил о реализации этой мечты. С наглостью необычайной он объявил колхозников самыми счастливыми людьми на земле, перековал рабов на энтузиастов и строго наказал заблуждающихся. Сам кавалер Золотой Звезды страдает злостным доношением, искореняя политические «недостатки» районных властей, а затем берет власть в свои руки. Не менее решителен кавалер и в оценках буржуазной заграницы. В нищезной и несчастной, по словам героя, Польше молодая крестьянка не могла слезть с печи, чтобы приветствовать советских воинов-освободителей, поскольку была в буквальном смысле голый. Есть в книге и полное предательство казачьих традиций. Требование автора растворить казаков в советском народе вряд ли простит ему сейчас заново нарождающееся казачество.

Бабаевский был настоящим «помощником партии», халтурным по невежеству, бездарным по природе. Такие писатели уничтожали само представление о литературе. С такими писателями быстро и успешно расправилась либеральная советская критика уже в середине 50-х годов. Но, как это нередко бывает, уничтожение литературы провоцирует ее новое рождение. Идиотизм Бабаевского породил тот фанерный стиль, который, перевернувшись в сознании, предельно точно охарактеризовал халтурность и идиотизм советской жизни. Более того, Бабаевский волей-неволей воспарил в метафизику, безжалостно доказывая своим литературным и человеческим примером успешность самых диких социальных опытов над людьми и их беспомощность в сопротивлении этим опытам. На металитературном уровне Бабаевский оказался не менее зловец, чем антиутопии Андрея Платонова. Гений и идиот сошлись и сплелись, как две природные крайности, «и казалось людям - огни озаряют то прекрасное будущее, куда лежат их дороги» (Бабаевский).

Виктор ЕРОФЕЕВ